

Борис Ф. Егоров
Санкт-Петербург

ПОТЕРЯ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСТВА У УЧЕНЫХ

С самых первых лет советской власти появлялись люди, желавшие покинуть родину, погрязшую в нелюбимом режиме. Но чем дальше, тем труднее становился отъезд. При Сталине официальные пути были категорически запрещены. И потом несколько десятилетий недовольные придумывали много незаконных способов побега, вплоть до тяжелых и мужественных переходов через карельские леса или среднеазиатские пустыни.

Вдруг в сонное брежневское время, впрочем иногда неожиданно взрывавшееся, появилась официальная щель: еврей мог пожелать переехать к предкам на исконную родину, в государство Израиль, и такой путь разрешили. Наряду с реальными евреями и, иногда, реальными патриотами исконной родины появилось большое количество «примазавшихся» или делавших вид насчет цели и желавших любым способом перебраться на Запад. Ведь многие уехавшие поселились не в Израиле, а в США, Франции, Англии.

Люди науки, избравшие легальный путь отъезда, испытывали немалые трудности. Не говоря уже о фактическом запрете на общение с родными, друзьями, коллегами, они, как и судимые внутри страны по политическим статьям, вычеркивались из нормального существования ученого: все их книги и статьи изымались из библиотек и магазинов и передавались в особые хранилища (так называемые спецхраны) или уничтожались, их имена запрещалось упоминать в трудах коллег, в библиотечных каталогах вынимались все карточки с названиями их произведений.

Такое вычеркивание из нормального научного процесса в большой и культурной стране болезненно отражалось не только в личной душе человека, но и в общем научном развитии. Невозможно было смириться с уничтожением не отдельных экземпляров, а целых больших тиражей книг самих «преступников» или тех трудов, где упоминались ставшие

запретными имена. Естественно, вспоминались костры из горящих книг в фашистской Германии.

На всякое действие однако есть противодействие. Хочу рассказать о двух разных случаях спасения книг, которые нужно было пустить под нож или напечатать по-другому (если опасность узнавалась чуть раньше).

Первый случай — это издание в академической серии «Литературные памятники» книги Вильгельма К. Кюхельбекера *Путешествие. Дневник. Статьи*¹.

За год до выхода в свет этой книги, т.е. в 1978 г., когда уже пахло печатанием в типографии, один из участников, Марк Григорьевич Альтшуллер уехал с семьей по «израильской» линии (реально он отправился в США, сейчас он — профессор-эмеритус Питтсбургского университета). Доля его участия в создании книги была достаточно велика; ему принадлежали приблизительно половина подготовленных к изданию текстов Кюхельбекера и приблизительно половина всего научного аппарата (общая статья, где четыре параграфа — Альтшуллера, пять — Н.В. Королевой; около 50% примечаний, общий указатель имен). Так что изъять все его разделы без ущерба для содержания и ценности издания казалось невыносимым. Неужели проститься со всей книгой?! Было очень обидно терять громадный том замечательного друга Пушкина. А какие тиражи были тогда у «Литературных памятников»! Кюхельбекеру было отпущено 25 тысяч экземпляров.

Выход нашли! Удалось договориться с благородным человеком, сотрудником академического Пушкинского Дома, Владимиром Дмитриевичем Раком, согласившимся дать свое имя в качестве заместителя: все разделы Марка Альтшуллера были приписаны Раку, и книга вышла в свет! В послесоветское время все это печатно разъяснилось, и Альтшуллер без колебаний включает эти материалы в свою библиографию...

Забавен каламбур Юрия Михайловича Лотмана. Когда я послал ему в подарок книгу, выходящую с тревожными ореолами, он в феврале 1979 г. ответил: «Спасибо за две открытки и ракообразного Кюхельбекера»². Конечно, он знал предысторию издания.

Второй случай произошел в Тарту, на кафедре русской литературы, при издании в жанре ученых записок серии «Семиотика» («Труды по знаковым системам»). Здесь книга уже была напечатана. Надо сказать, что в то время, на грани 1980-х гг., накопленный за трудное предшес-

¹ В.К. Кюхельбекер: *Путешествие. Дневник. Статьи*. Ленинград: Наука 1979.

² Ю.М. Лотман: *Письма. 1940–1993*. Москва: ЯРК 1997, с. 273.

твующее десятилетие целый комплект ученых записок сразу пошел в производство: за два месяца 1979 г. (от конца марта до конца мая) в набор были сданы 12-й, 13-й и 14-й томы «Семиотики». Там в списке редколлегии числился и профессор кафедры русского языка Тартуского университета Борис Михайлович Гаспаров, который в 1980 г. покинет Советский Союз (и тоже отправится в США; сейчас он — профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке). Но в 1979 г. опасность еще не нависла над нами. Правда, книги очень застряли в производстве, они были подписаны к печати (что означало уже разрешение цензуры и возможность печатать весь тираж) только в ноябре 1980 — июне 1981 гг., т.е. когда уже об отъезде Гаспарова из страны стало всем известно. Однако, предварительное разрешение цензуры на выпуск томов позволило нам закрыть глаза на политические запреты, мы как бы сделали вид, что не замечаем присутствия Гаспарова в списке редколлегии. Проехало. Книги спокойно рассылались и продавались.

Однако следующий том, 15-я «Семиотика», сдавался в производство в декабре 1980 г., а подписан к печати в июле 1981 г. Мы надеялись и тут проскользнуть, но не получилось. Тогда уже имя Гаспарова стало цензурно запретным, и проскочить не удалось: список редколлегии в таком виде оказался непроходим.

Что же делать? Нужно было или вырывать страницу со списком редколлегии во всем тираже (и допечатывать и наклеивать исправленный вариант), или уничтожить весь тираж «Ученых записок» (который, правда, в отличие от серии «Литературные памятники», составлял всего 1000 экземпляров).

Мы тогда нашли более удобный способ. В Москве трудился известный филолог и поэт, будущий академик Михаил Леонович Гаспаров, который, кстати сказать, отдал в 15-й том статью «*Поэма воздуха*» Марины Цветаевой: *опыт интерпретации* (и она уже была набрана на с. 122–140). Появилась идея заменить инициал Б. на М. (тогда в «Семиотике» уже перешли на западную манеру преподносить авторов: без отчества), т.е. сделать москвича членом редколлегии и спасти тираж книги. Тут же последовал телефонный разговор, Михаил Леонович живо согласился, и оставалось только технически произвести замену. В помещении кафедры русской литературы были посажены за столы все преподаватели и лаборанты кафедры, находившиеся тогда в Тарту, и они бритвочками выскабливали палочки буквы и вписывали тонкими стержнями авторучек новую букву (а в части тиража вообще без выскабливания: просто Б исправлялась на М).

В результате общих усилий весь тираж тома «Ученых записок» поменял одного из членов редколлегии на другого (но интересно: Юрий

Лотман в своем домашнем комплекте «Семиотики» — он ныне хранится в Эстонском семиотическом архиве при Таллинском университете — вообще не стал исправлять Б на М, и тем самым сохранил для истории первозданность редколлегии). К счастью, здесь уже не вставал вопрос об авторстве трудов, а Михаил Гаспаров совсем неожиданно стал членом редколлегии хорошего тартуского коллектива... В следующем томе, в 16-й «Семиотике» имя «М. Гаспаров» уже официально стояло в списке редколлегии.

Так нам удалось сохранить ценные научные издания.

Borys Jęgorow

JAK UCZENI TRACILI SOWIECKIE OBYWATELSTWO

Streszczenie

Borys Jęgorow wspomina losy dzieł uczonych, którzy wyemigrowali ze Związku Sowieckiego w latach 70. i przez to ich nazwiska znalazły się na indeksie. Jego gawędziarska relacja oparta jest na wspomnieniach własnych z okresu, gdy pracował w Tartu razem z Jurijem Łotmanem. Wielu oddanym wówczas do druku odkrywczym, nowatorskim studiom emigrantów, nad którymi pracowali oni całe lata, groziła niepamięć. Aby temu zapobiec uciekano się do podstępów — publikowano dzieła pod cudzymi nazwiskami — jak w przypadku Marka Altszullera, wydawcy i redaktora dzienników Wilhelma Kuchelbeckera w serii „Litieraturnyje pamiatniki”, który wyemigrował jakoby do Izraela, a w rzeczywistości do USA, lub wykorzystując fakt, że dwaj uczeni mieli identyczne nazwiska (Michaił Gasparow/Borys Gasparow) zmieniano inicjały. Zadawała to cenzorów, a pozwalało ocalić od zapomnienia wiele wybitnych dzieł, przy czym naukowe środowisko doskonale wiedziało, kto naprawdę był ich autorem.

Boris Yęgorov

THE WAY SCHOLARS LOST THEIR SOVIET CITIZENSHIP

Summary

Boris Yęgorov recalls the history of the works of scholars, who emigrated from the Soviet Union in the seventies, the reason why their names were published in the index. His conversational story is based on memories from the period of working in Tartu with Yuri Lotman. Many of their innovative and revealing researches, which were in press, were threatened by oblivion. To prevent this, deceits were repeatedly resorted. Either the works were published under somebody else's name — as it proves the case of Mark Altshuller, the publisher and the editor of Wilhelm Kuchelbecker's dailies in the series of "Literaturnyje pamiatniki", who emigrated supposedly to Israel, but in reality to the USA, or by taking advantage of the fact that two scholars had identical surnames (Mikhail Gasparov/Boris Gasparov) the initials of their first names were changed. All these measures were sufficiently satisfying for the censors and helped to save many outstanding works from oblivion, while all the members of scholar community knew perfectly well who was the real author.